

ОБ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ МИСТИФИКАЦИИ:
С. БОБРОВ — АВТОР ОКОНЧАНИЯ
ПУШКИНСКОЙ «ЮДИФИ»

Екатерина Зеленкова
(Санкт-Петербург)

История поэтической группы «Центрифуга» на сегодняшний день недостаточно изучена, особенно это касается последнего периода существования объединения (1917–1918 гг.). После революции 1917 г. «Центрифуга», и так не отличавшаяся наличием единой программы, столкнулась с рядом организационных и финансовых трудностей. Поиски возможностей для продолжения деятельности привели бессменного руководителя группы Сергея Боброва к идее издания «неизвестных» стихотворений Пушкина (по воспоминаниям М. Гаспарова, Бобров говорил не о неизданных стихотворениях Пушкина, а о тех, которые «никто не читает» [Гаспаров: 100]). Книга должна была называться «Пушкин — Центрифуге», проект издания хранится в фонде поэта в РГАЛИ¹.

Очевидно, что интерес к пушкинскому стиху и невозможность продолжения литературной деятельности заставили Боброва обратиться на себя внимание достаточно эксцентричным способом: в начале 1918 г. Бобров пишет продолжение пушкинской «Юдифи» («Когда владыка Ассирийский...», 1835) и отправляет его известному пушкинисту Н. О. Лернеру от имени инженера Н. Зурова.

История мистификации может быть восстановлена по публикации Лернера, а также по материалам фонда Боброва: «инженер-электрик» Зуров пишет Лернеру письмо, в котором рассказывает, что его знакомый, «некто И. В. Кащенко, жил в Киеве и у него

¹ См. мат. фонда С. П. Боброва: РГАЛИ. Ф. 2554 Оп. 1. Ед. хр. 17 Л. 1; а также письмо В. Я. Брюсова с предложением вариантов названия: Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 8. Бобров и раньше обращался к поэзии Пушкина, в частности, книга «Новое о стихосложении Пушкина» (1915) посвящена проблемам стиховедения и вопросу о дольнике (или «паузнике» — в терминологии автора).

доживала свой век старуха-кухарка, которую он держал при себе из милости» [Лернер: 3]. В январе 1918 г. она умерла, и в ее сундуке среди писем от старых хозяев (имени которых Зуров не может вспомнить, помнит только, что фамилия «была какая-то двойная» [Там же] и что жили они в Москве на Тверской улице около церкви Василия Касарийского) нашелся маленький конверт с двумя листами бумаги, на одном из которых сбоку карандашом написано «Пушкин от...», дальше неразборчиво (впрочем, и сами слова «Пушкин» и «от» также не достаточно ясны были автору письма, не смотря на то, что он «смотрел и через лупу» [Там же]). Один из листов «с надорванным краем», второй целый и с водяным знаком «1834».

Зуров пишет, что «год подходящий, так как, если мне не изменяют мои гимназические воспоминания, Пушкин умер в 1837 году» [Там же]. Более того, Зуров и Кашенко даже сличали почерк рукописи с факсимиле и «удивлялись сходству». Дальнейшие подробности таковы: во время взятия Киева большевиками Кашенко погибает, а дом его сгорает, разумеется, с рукописью и прочим содержимым сундука старой кухарки. Так, заключает Зуров, «...я и, может быть, русская литература понесли большие потери, я — лишился друга <...> литература — рукописи нашего великого поэта» [Там же]. Однако перед смертью Кашенко успел передать копию рукописи своему приятелю Зурову, чтобы тот смог показать текст специалистам в Харькове. Именно эту копию письма и отправляет Зуров Лернеру, поскольку сам уезжает за границу и даже не надеется узнать мнение «лучшего знатока Пушкина». Письмо отправлено из Харькова и датировано 15 (28) марта 1918 г.

Следует отметить, что мистификация Боброву удалась: Лернер признал авторство Пушкина и опубликовал полученную им рукопись (частично) и письмо Зурова (полностью) в газете «Наш век» 4 мая 1918 г. в статье под названием «Новооткрытые стихи Пушкина. Окончание “Юдифи”». Начинает Лернер свою статью публикацией фрагмента поэмы Пушкина и сожалеет о том, что текст не был поэтом закончен, далее следует письмо Зурова. Исследователь отмечает, что письмо это показалось ему «не особо заслуживающим доверия. Рукопись Пушкина в кухаркином сундуке, смерть Кашенки, пожар дома, в котором он жил, запоминание имени бывших кухаркиных хозяев <...> отъезд за границу

самого автора письма — все это показалось мне какой-то неостроумной мистификацией, и я с недоверием и досадой развернул приложенные к письму два листка почтовой бумаги большого формата. Но рукопись сама рассеяла мое недоверие. Передо мною был черновик продолжения и окончания «Юдифи»» [Лернер: 3].

Лернер исключает какую-либо возможность подделки, утверждая, что тот, кто «занимался пушкинскими черновыми рукописями, узнал бы в зуровской копии <...> пушкинскую черновую работу, быструю и лихорадочную, и это обстоятельство само по себе устраняет малейшее подозрение в мистификации. Перед нами — не только результат вдохновенной работы (для которого требовался бы талант не меньше пушкинского — поищи-ка теперь такого!), но и самый ея процесс в полном разгаре» [Там же]. Несомненно, такой отзыв чрезвычайно был лестен Боброву, которого всегда отличало повышенное внимание к собственным сочинениям.

На публикацию Лернера известны два отрицательных отклика, авторы которых усомнились в подлинности продолжения «Юдифи», и отзывы эти были написаны до того, как Бобров успел раскрыть мистификацию [Маяковский; Слонимский]. Можно даже предположить, что успех мистификации был бы гораздо сильнее, если бы Бобров не поторопился раскрыть обман. В архиве поэта находится неопубликованная статья, датированная маем 1918 г., под названием «Новая подделка Пушкина». Она написана спустя несколько дней после того, как Бобров увидел публикацию Лернера в газете «Наш век». На одном из листов этого архивного документа, от руки (вероятно, М. П. Богословской, жены поэта), описана история подделки и реакция Боброва на публикацию Лернера:

Бобров сделал это не из озорства, не в качестве первоапрельской шутки <...> а для того чтобы (проверить) знания и чутье пушкинистов, способных собирать факты биографии Пушкина, но глухих к стиху. Этой мистификацией были обмануты все <подчеркнуто. — Е. З.> пушкинисты, усомнился только Томашевский. Бобров послал свою мистификацию не к 1 апреля, а к конференции, на которой должен был быть и Брюсов. Когда Брюсов вернулся, Бобров спросил его, что это за слухи о находке новых стихов Пушкина, не подделка ли это, и В. Я. ответил ему: «Не похоже, по-видимому разворовали богатый <неразб. — Е. З.> архив. На другой день Брик привез Боб-

рову газету Наш Век и Бобров при нем достал рукопись и крикнул: “Подумай, напечатал!” и Брик сейчас же поехал на извозчике объезжать всех пушкинистов с сообщением о мистификации Боброва» [РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 106. Л. 54].

Фигура Брюсова появляется в этих воспоминаниях неслучайно. Очевидно, для Боброва был важен также факт участия последнего в провокации, как и факт получения Лернером статьи именно 1 апреля (по старому стилю). В своей неопубликованной майской статье он с присущей язвительностью заявляет, что

особенность лернеровского пушкинизма в неукротимой страсти к новооткрытиям, немало таких преподозрительных пушкинских текстов Лернера открытия имеется в шестом томе венгерского издания. И уж как «откроет», пиши пропало — ни за что не откажется, какие бы серьезные аргументы не приводились. Не так давно была открыта Лернером статья Пушкина (благо напечатана без подписи), Брюсов удачно доказал, что статья эта ни малейшего касательства к Пушкину не имеет; тогда Лернер немедленно обрушился на Брюсова из следующего расчета: «я Пушкина не знаю, а ты стишонки скверные пишешь» [Там же].

Основное содержание статьи посвящено раскрытию техники создания подделки: Н. Зуров — практически «однофамилец» знаменитого Д. П. Зуева, «подделавшего в свое время» окончание «Русалки», наивность письма Зурова объясняет цитата из Уайльда: «ничто так не похоже на невинность, как нескромность» [Там же]. Далее лист черновика статьи обрывается, и вместе с ними обрываются рассуждения Боброва о пастиччио — т. е. о влиянии (прежде всего ритмическом), которое и производит впечатление, что это стихи такого-то (но об этом Бобров подробно выскажется в 1922 г. в статье «Заимствования и влияния. Попытка методологизации вопроса», где вспомнит о своей мистификации, ставшей предметом литературоведческой рефлексии). В числе очевидных признаков подделки Бобров называет слишком точное следование тексту библейской «Книги Иудей»: «...уже ли г. Лернер в такой мере нечуток и невнимателен, что не заметил разницы /методической — здесь же это решает дело!/ меж переложением Пушкина, давшего нечто совершенно новое и отличное от своего оригинала, и Зуровскими пустяками, где автор рабски следует Библии, не раз повторяя прямо библейские выраже-

ния?» [РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 106. Л. 53]. Сомневается автор и в том, как человек, «который нетвердо знает год смерти Пушкина <...> мог правильно прочесть Пушкинскую рукопись, да еще и с таким тонкостями?» [Там же]. Что же остается в активе у Лернера? — спрашивает Бобров. — «Стихи хорошие... да их немало теперь пишут. Лернер то вполне уверен, что теперь стихотворца, который мог бы подделать Пушкина, нет — плохо он думает о современниках, положим, судя по всей этой истории, они отвечают ему взаимностью» [Там же]. Завершая свою обличительную статью, Бобров заявляет, что «для такой подделки никакими особенными качествами обладать не надо, надобно знать кое-что по стиховедению да по Пушкинскому тексту, а это доступно всякому» [Там же]. Разумеется, Бобров упивается реакцией литературного общества на его остроумную мистификацию:

Простодушные люди передавали, что литературный Петербург был основательно взбаламучен Лернеровским «открытием», говорят даже, что некий щеголеватый пушкинист, дрожа от зависти, на ухо всем сообщал, что дело не чисто: он сам видел эти стихи в академическом майковском издании... «Ничего он там не видал, можно заранее сказать, просто зависть человека заела...» и далее: «А гг. пушкинистам урок: читайте не одного Вигеля, а изредка заглядывайте и в Пушкина» [Там же: 55].

Как уже говорилось выше, эта статья не была опубликована, а первый известный отклик на лернеровскую публикацию принадлежит Александру Слонимскому, однако его статья «Мнимые стихи Пушкина», написанная на третий день после публикации Лернера, вышла в печати лишь несколько месяцев спустя. Как следует из редакторского примечания в журнале «Книжный угол», статья была «послана в одну из петербургских газет <...> но редакция этой газеты не пожелала ее напечатать, опасаясь выступить против такого авторитетного пушкиниста, как Н. О. Лернер» [Слонимский: 4]. В целом критик перечисляет все основные маркеры псевдо-пушкинского текста, которые назвал Бобров: общая несообразность истории Зурова, его неосведомленность в биографии Пушкина и способность прочесть и сделать копию с пушкинского черновика, совпадение дат (1834 г.), начало черновика оттуда, где обрывается пушкинский текст, наконец, сам рассказ Зурова со всеми смертями, пожарами, отъездами и, глав-

ное, близость к 1 апреля — все это слишком напоминает мистификацию.

Слонимский отмечает «расхлябанность» стиха, «вялые синонимы», «обгрызанное предложение» без сказуемого, которые «якобы должны идти вслед за дивными стихами о Ветилуе» [Слонимский: 6–7]. Что же касается разработки главной темы стихотворения, то она, по мнению критика, «не стоит на уровне пушкинского замысла» — слишком сильно автор цепляется за библейский текст и пушкинские мотивы [Там же: 7]. Слонимского поражает большое количество «аксессуаров», деталей, которые являются только развитием мотивов пушкинского начала (бой, угрозы сатрапа, смятение еврейского народа, его благочестие) — «на этом срезался в свое время и Зуев, не сумевший ни на шаг сдвинуть тему вперед» [Там же: 8]. Не остается без внимания и попытка подделать пушкинский язык путем включения многочисленных реминисценций из пушкинских стихотворений различного периода: в публикации Лернера — «...палима / Душа Израиля...», у Пушкина — «Твоим огнем душа палима / Отвергла мрак земных сует...» («В часы забав иль праздной скуки...», 1830); в публикации Лернера «Злотых ночей и дней златых / Не ведала вдовством печальным...» восходит к пушкинскому «Богами вам еще даны / Златые дни, златые ночи...» («Друзьям», 1816); в публикации Лернера «Теряет он язык и ум...», у Пушкина — «Язык и ум теряя разом...» («Циклоп», 1830). Кстати, как замечает Слонимский, «прихвачено из Лермонтова 1840 года»: в публикации Лернера — «И красотою безобразной / Юдифи сердце привлекал...», у Лермонтова — «Но красоты их безобразной / Я скоро таинство постиг...» (Из альбома Карамзиной (Любил и я...), 1841). Итак, бедность поэтического словаря, слабая образность, отсутствие движения темы, большое количество «аксессуаров», скрытые цитаты из других произведений Пушкина (и не только его), слишком очевидное следование библейскому образцу — вот те факты, которые позволяют с очевидностью заявить о мистификации.

Спустя четыре года Бобров вновь возвращается к своей удачной первоапрельской шутке в статье «Займствования и влияния. Попытка методологизации вопроса», однако на этот раз Бобров серьезен и отмечает важность «метрико-ритмических исследований» при установлении влияний, приводя пример собственной

литературной мистификации и разоблачая технику создания данного текста по образцам различных пушкинских стихотворений, как ранних, так и более поздних, с целью доказать, что ощущение пушкинской формы утрачено и что даже один из самых авторитетных пушкинистов не сумел отличить оригинал от подделки. Предметом работы Боброва является установление механизма заимствования и влияния:

...необходимо установить, в чем, собственно, может выражаться влияние одного поэта на другого <...> приходится отметить, что слова, выражения, образы, т. е. все, относящееся к тропам, с трудом запоминается читателем <...> Легче и действеннее и на более долгое время запоминаются фигуры риторические, еще легче фигуры грамматические, и, наконец, совершенно порабащают ученика фигуры метрико-ритмические, особенно же все касающееся цезур и краезвучий стиха [Бобров: 75].

Бобров приводит многочисленные примеры, призванные доказать, что запоминается именно ритмический рисунок, и порой совершенно невозможно вспомнить слова, заполняющие строку: Та-та-та-тА – та-тА-та – тА-та / Та-та-та – тА-та – тА – та-тА (ср. «Для берегов отчизны дальней / Ты покидала край чужой»). Так память поэта, заявляет Бобров, «перегруженная такими чисто ритмическими образами (как они запоминаются? возможно, что и так — Та-та-та-тА – та-тА-та – тА-льной / Та-та-та – тА-та – тА – родной — ведь рифмы мнемонически дольше помнятся), таит в себе их, как готовые вместилища для слов, как шаблоны набивок, которые стихотворец разукрашивает» [Там же: 76]. Настоящие заимствования («пастиччио»), делает вывод автор, всегда идут по ритму, и именно ритмические особенности легче всего усваиваются и воспроизводятся.

В завершение своей объемной работы Бобров напоминает читателям о публикации Лернера, показывая, какие именно «исковерканные» строки ввели в заблуждение признанного пушкиниста: строка «... и за женою / Идет послушливый Евнух...» восходит к пушкинской «И спит подкупленный Евнух...» («Стамбул гяуры нынче славят...», 1830), слово «послушливый» из «Анчара» (1828) — «А царь тем ядом напитал / Свои послушливые стрелы...»; строка «Он забывает битвы гром» — из стихотворения «К принцу Оранскому» (1816): «Довольно битвы мчался

гром»; строка «Счастливы дебри Иудеи» восходит к пушкинской «Спокойны дебри Каломоны» («Кольна», 1814). Вскрывая собственную технику создания псевдо-пушкинского текста, Бобров отмечает, что «этот пример ясно показывает, как пастиччированный Пушкин принимается за подлинник специалистом, и говорит с очевидностью о крупной роли пастиччио в деле влияний и заимствований» [Бобров: 92].

Несмотря на все попытки, Бобров так и не сумел возобновить деятельность «Центрифуги», однако данный эпизод является одним из самых ярких в последний период существования группы и характеризует объединение в целом с его вниманием к литературной традиции и рефлексией по поводу литературной формы. Интересно, что эта удавшаяся мистификация Боброва заставила исследователей внимательнее отнестись к вопросу о подделке, в частности, в статье М. Шапира, посвященной анализу текстов Батенькова, публикация продолжения «Юдифи» названа как «одно поучительное обстоятельство» [Шапир: 65].

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров: *Бобров С. П.* Заимствования и влияния (Попытка методологизации вопроса) // Печать и революция. 1922. № 8. С. 72–92.
- Гаспаров: *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М., 2008.
- Лернер: *Лернер Н. О.* Новооткрытые стихи Пушкина. Окончание «Юдифи» // Наш век. 1918. 4 мая. № 89. С. 3, 5.
- Маяковский: *Маяковский В.* Профанация имени Пушкина // Куранты искусства, литературы, театра и общественной жизни. 1918. № 9. С. 5–7.
- Слонимский: *Слонимский А. Л.* Мнимые стихи Пушкина // Книжный угол. 1918. № 2. С. 4–9.
- Шапир: *Шапир М. И.* Феномен Батенькова и проблема мистификации (Лингвостиховедческий аспект. 3–5) // Philologica. 5. № 11/13. С. 49–114.